

Про старого

Ай да не близко от города, не далёко же,
Не далёко ё от Киева — за двенаццэт вёрст,
Там и жили на за́ставы буга́тыре,
Караулили-хранили стольнёй Киев да град,
Не видали не конного, не пешёго,
Не прохожёго, ни ле проежжёго.
Э да их было двенаццет все богатырей:
Да за старшого был Илья Муромеч,
Под им был Самсон да Колыбанович,
Ай Добрыня да был у ёго во писарях,
А Олёша жил во конюхах,
Кабы Мишка Торопанишка чашки-ложки мыл,
Чашки-ложки мыл да поварёночки.
Да не серой-ёт волк не прорыскиват,
Да не черной медвед не прохаживат,
Да вставаёт старой да по ютру ранó,
Да й выходит старой вон на юличю,
Да берёт-де старой да подзорную трубочку.
Да он и смотрит под сторону под западню —
Кабы там да стоят горы ледяныя.
Посмотрел под сторонушку под северну —
Кабы там да стоит морё синее.
Посмотрел под сторону обедничну —
Кабы там стоит да полё чистоё,
Ай ведь ездит богатырь забавляетцэ,
Кверху он стрелочку постреливат,
На сыру землю он стрелку не юраниват,
На лету ту стрелочку подхватыват.
На одном-то колене держит чернильницу,
На другом-то колене дёржит гумажечку,
И пишет богатырь скорограмотку.
Ай подъеждяёт богатырь к белу шатру,
Подбрасывает грамотку старому казаку.
А и берёт старой эту грамотку,
Да заходит старой во белой шатёр,

Заревел-закричал громким голосом:
«Не́ время нам спать, пора встовáть,
От великого вы сону пробужатися,
От великого хмелю просыпатися!»
А вот скокали ребята на резвы́ ногí,
Умывались ребята ключевой водой,
Утирались чистым полотенышком.
Вот и стал читать стáрый скорограмотку:
«Уж я еду-де к вам в стольный Киев-град,
Греметь-шурмовать у вас в стольнем Киеве,
Старá казака к себе в полон возьму,
Молодú его кнегину за себя возьму,
Добрыню Микитичя во писари,
А Олёшу Поповиче во конюхи,
Как бы Мишку Торопанина чашки-ложки мыть,
Чашки-ложки мыть да поварёночки.
Белой я шатёр у вас на дым спущу,
А светые иконы на поплав воды».
Ай вот и стал старóй их выпрашивать:
«Да кого мы пошлём да во чíсто полё,
Во чистó полё пошлём да за богáтырем?
А послать нам Мишку Торопанишку,
А у нас Мишка роду торопливого —
Заевíт потеряют свою буйну гóлову.
А пошлём мы Добрынюшку Микитичя,
Добрыня роду у нас вежливого:
Он умеет с богáтырем съехатьсэ,
Он умеет богáтырю ведь честь воздать».
Вот и стал тут Добрынюшка срежатисэ.
Только видели, как Добрыня на коня вскочил,
Только видели: Добрыня в стремя ступил.
Только видят: в чистом полё куревá стоит,
Куревá стоит да дым столбом валит,
У коня изо рту пламя мечетцэ,
У коня из ноздрей искры сыплютцэ,
А и хвост трубой да завиваетцэ.
Подъездяёт Добрыня да ко богáтырю,
Заревел тут Добрыня во пёрвой након:
«А и куда ты едёшь, куда путь дёржишь?»

А на ето богатырь не ёслушался.
Заревел-закричал ны второй након:
«Ах ты летишь, ворона пустопёрая,
А и ты летишь, сорока загумённая,
Не воротишь к нам на заставу караульную!»
А на ето богатырь поворот даёт.
Налетел тогда богатырь на Добрынюшку —
Сосвистнул он Добрыню со добра коня,
Да и дал ему по жопы два потяпыша,
Да и прибавил ему два алабыша.
Посадил его назад на добра коня:
«Поеждяй ты, Добрыня, во белой шатёр,
Да скажи от мене старичку низкой поклон,
Да пускай вами, гавнами, не заменеетця,
Самому ему со мной не поправитцэ».
Ай видят: идёт Добрыня не по-старому,
А и конь-то бежит не по-прежнему,
Повеся он дёржит буйну голову,
Потопя он дёржит да очи ясныя.
Подъезждяёт Добрыня да ко белу шатру,
Да заходит Добрыня во белоу шатёр.
Вот и стал его старой выпрашивать,
А и стал ему Добрынюшка рассказывать:
«Да послал он тебе со мной низкой поклон,
Не велел он гавном заменяться,
Самому ему со мной не поправитцэ».
А ю старого тут плеча да расходилися,
Да и глаза у его да помутились,
Заревел он, закрычал громким голосом:
«Вы уздайте-седлайте коня доброго,
Коня доброго уздайте его со восьми чепей!
Не успеете вы, говорит, горшка сварить,
Привезу я татарьску буйну голову!»
Вот и стал тут старой тут срежатисе,
Да и стал тут старой надеватисе.
Надеваёт он латы тут богатырские,
Надеваёт он шляпу на одно ухо,
На правом-то плечи черной ворон,
На левом-то плечи все орёл сидел.

Ай да не видели старика, как на коня скоцел,
Только видели: старой в стремяна ступил,
Ай да увидели: в чистом поле курева́ стоит,
Курева́ где стоит да дым столбом валит,
У коня из роту пламя мечитцэ,
У коня из ноздрей да искры сыплютцэ,
Ах хвост трубой да завиваетцэ.
Полетел старичок во чисто́ полё.
Подъезжает старой да к богатырю.
Заревел тут старой да во первой након:
«А куда же ты едешь, куда путь держишь,
Не воротись к нам на заставу?
Ай неужели нас, богатырей, ничем зовёшь?»
Ай на это богатырь не ослушелся.
Заревел тогда старой на второй након:
«Ах ты летишь, ворона да пустопёрая,
Ах ты летишь, сорока загумённая!»
А на это богатырь поворот даёт.
А не две тут тучи столконулисэ —
Два богатыря тут съезжалисэ.
Задрожала тогда мать сыра земля.
Они бились-хвостались целы суточки —
У их палицы до рук да обломалисэ.
Они бросили тут бой о сыру́ землю,
Схватили копейца оны булатныя,
Они тыкались-дрались вторы́ суточки —
А копейца у их да изломалисэ.
Они бросили тот бой о сыру́ землю,
Да скочили тогда со добрых коней,
Да схватились ёни во охабочку.
Они бились-боролись да третьи суточки —
А похвальнее слово старого спутало:
Одна-то нога́-то подкатнуласэ,
А другая нога́-то подломиласэ,
Вот упал тогда старой на сыру́ землю.
Заскочил ему тогда́ богатырь на белы́ груди́,
Он разорвал ведь латы богатырския,
Да и вытащил чинжалищо булатноё,
Замахнулса ему да во белы́ груди́.

Ай да взмолилсэ старой да Богородицы:
«Пресветая ты мати да Богородиця,
Почему ты меня да это выдала
Черным воронам да на расклёваньё,
А лютым зверям на растёрзаньё?
А стоял я за веру за Христовую,
А молилсэ всегда да Богородицы!»
А не ветру полоска тут махнула —
Вдвое-втрое у старого силы прибыло.
Сосвиснул он богатыря со белых грудей,
Заскочил он ему на белые груди.
Он разорвал латы да богатырския,
Да и вытащил чинжалешо булатной,
Замахнулсэ ему да во белые груди —
В плече его рука да застояласэ.
Вот и стал его старой тогда спрашивать:
«Да какого ты роду, какого племени,
Но как же тебя зовут по имени?» —
«А когда был я у тебя на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду, ни племени».
Замахнулсэ старой на второй након —
В локтю рука да застоялосэ.
Вот и стал его старой выпрашивать:
«Да какого же ты роду, какой племени,
Но как же тебя зовут по имени?» —
«А когда был я у тебя на белых грудях,
Я не спрашивал у ты ни роду, ни племени».
Замахнулсэ старой на третей након —
В заветье рука да застоялосэ.
Вот и стал его старик выпрашивать:
«Да какого роду, какой племени,
Но как же тебя зовут по имени?» —
«Ай я еду из-за моря, богатырь же,
А мне не много веку, только двенадцать лет.
У меня мати богатыриця, полениця уже,
А отец мой — он прохожий молодець».

Тогда скочил старой со белых грудей и поставил его на резвы ноги и поцеловал его дважды: «И ты будешь мене сынок, и я тебе буду татенька. Поедем со мной во белой

шатёр». А он сказал ему: «Не еду
я с тобой во белой шатёр. Поеду назад за синё морё. За синё море поеду, —
говорит, — к ронной матушке.
И приедем мы обои с матерью».

Распростелись и приеждает к ронной матери, встретила его родима
матушка: «Где же ты, дитятко,
побыл, чего же ты, дитятко, повídaл?» — «Был я в стольнем Киеве и видел
там базыкову коровушку,
и она зовет тебя б<лядкою>, а меня выб<лядком>». Вытащил чинжалищю и
шарнул матери в груди.
И завернул коня и поехал опять в стольный Киёв-град.

Подъезжает ко белу шатру. Соскочил со добра коня и забежал во белой
шатёр. А старой со великого
устатку спит богатырским сном, не слышит. Вытащил он чинжалищю
булатное и шарнул старому во белые
груды. Погодился у старого на груды старинный чуден крест. Угадал он в
этот самый крест. Соскочил
тогда старой на резвы ногы, схватил Сокольника за белые кудры, хвоснул его
о дубовый пол, на одну
руку наступил, другую оторвал, наступил на одну ногу, другую оторвал и
выбросил его на улицу и опять
лёг спать. *(Тут конец, пожалуй.)*

*(Зап. Астаховой А. М.: 10 июля 1929 г., д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на
— от Чупрова Еремея Провича, 39 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.